

Изъ книгъ
Н. Н. СТРАХОВА.

СПбГУ

8 I 4400

СІБІРЬ

СНБГУ

Е. Семеновъ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

87 4409

атл.

КАВКАЗСКІЙ
П Л Ъ Н Н И К Ъ.

1888/

С 1767

адм. / Е24409

КАВКАЗСКІЙ
П Л Ъ Н Н И К Ъ,

П О В Ъ С Т Ъ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 2.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Въ Санктпетербургѣ, 12 Юня 1822 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

Н. Н. РАЕВСКОМУ.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной Музы приношенъе.

Тебѣ я посвящилъ пустынной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.

Когда гроза и вихрь мой чолнѣ о камни били,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;
Я сердцемъ отдыхалъ; другъ друга мы любили:
И бури надо мной свирѣпость ушомили;
Я, въ мирной приспани, боговъ благословилъ.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешшу', пустынный вели-
чавый,
Аудовъ' и полей власпишель пятцигла

Быль новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаешь въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ пещинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Бышь можешь милыхъ сердцу дней,
Противурѣчія спросишь,
Мечты знакомыя, знакомыя спрэданья,
И пайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
едва разцвѣль, и въ слѣдъ отца-героя

Въ поля кровавыя, подъ шучи вражбихъ спрѣль,
Младенець избранный, ты гордо полешѣль;
Опечесство тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жершву милую, надежды вѣрный цвѣшь.
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣшь!

Но сердце укрѣпиль шерпнѣемъ,
Я ждалъ безопасно лучшихъ дней;
И счастье друзей
Мнѣ было сладкимъ ушѣиеньемъ.

Слѣдъ

ЧАСТЬ I.

Въ аулъ, на своихъ порогахъ
Черкесы празднѣе сядяшъ.
Сыны Кавказа роряшъ
О бранныхъ, губельныхъ превогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьи дикой нѣги;
Воспомиаюшъ прежнихъ дней
Уопразимые набѣги,
Обманы хищныхъ Узденей,³
Удары шашекъ⁴ ихъ жестокихъ,
И мешкосъ неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки пльницъ черноокихъ.

Текушь бесѣды въ тишинѣ;
Луна плывешъ въ ночномъ шуманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Оя, быспро на арканѣ
Младаго плѣнника влачиль.
Вошь Русской! хищникъ возопиль.
Дуль на крикъ его со жался
Ожеспоченною шолпой;
Но плѣнникъ хладный и тѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ шрупъ, недвижимъ ошавался.
Лица враговъ не видишь онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышишь;
Надъ нимъ лешаетъ смершнѣй сонъ,
И холодомъ плешворнымъ дѣшишь.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи шяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невняшнѣй спонъ въ усахъ раздался;

Согрѣшый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводишь слабый взоръ....
И видишь неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племень,
Черкеской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнь,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышишь, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги....
Все, все сказала ужасный звукъ;
Запмилась передъ нимъ природа.
Проспи, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями⁵ лежишь
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчишь.
Предъ нимъ пустынные равнины
Лежашъ зеленой поленой;

Тамъ — холмовъ шланушя грядой
 Однообразныя вершины;
 Межь нихъ уединенный пушь
 Въ дали шеряешя угрюмой —
 И плънника младаго грудь
 Тяжелой взволновалась думой.

Въ Россію дальный пушь ведешь,
 Въ спрану, гдъ пламенную младосшь
 Онъ гордо началъ безъ забошь;
 Гдъ первую позналъ онъ радосшь,
 Гдъ много милаго любиль,
 Гдъ обнялъ грозное спраданье,
 Гдъ бурной жизнью погубиль
 Надежду, радосшь и желанье, —
 И лучшихъ дней воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцъ заключиль.

.
 *

* Какъ эшо мѣсно, такъ и другія, означены шочками самимъ Социалистелемъ. —

Людей и свѣпъ извѣдалъ онъ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну.
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
 Въ мечсахъ любви — безумный сонъ,
 Наскуча жертвой бытъ привычной
 Давно презрѣнной суешы,
 И непріязни двуязычной,
 И просподушной клеветы,
 Опсшупникъ свѣша, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣлъ
 И въ край далекій полешѣлъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы.

.

Свершилось! цѣлью упованья
 Не зришь онъ въ міръ ничего.
 И вы, послѣднія мечпанья,
 И вы сокрылись опъ него.
 Онъ рабъ. — Склонясь главой на камень,
 Онъ ждешъ, чшобъ съ сумрачной зарей
 Погасъ печальной жизни пламень
 И жаждешъ сѣни гробовой.

Ужь меркнешь солнце за горами;
Въ дали раздался шумный гуль;
Съ полей народъ идешь въ ауль,
Сверкая свѣшлыми косами.
Пришли, въ домахъ зажглись огни,
И поспешенно шумъ неспройной
Умолкнуль; все въ ночной тиѣни
Объяшо нѣгою спокойной;
Въ дали сверкаешь горный ключь,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою шучь
Кавказа спящія вершины....
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идешь, украдкою спуная?
Очнулся Русской. Передъ нимъ,
Съ привѣшомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоишь Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотришь онь,
И мыслишь: эшо лживый сонъ,
Шалыхъ чувствъ игра пусшая.
чушь озарена,

Съ улыбкой жалости опрадной
Кольна преклонивъ, она
Къ его усшамъ кумысь⁶ прохладной
Подносишь тихую рукой. —
Но онъ забыль сосудъ цѣлебный;
Онъ ловишь жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ,
Но взоръ умильный, жаръ ланишь,
Но голосъ нѣжный говоришь:
Живи! и пушникъ оживаешь.
И онъ, собравъ оспашокъ силъ,
Вельнью милому покорной,
Привсшаль — и чашей благошворной
Томленье жажды ушолить.
Пошомъ на камень вновь склонился
Ошягощенною главою;
Но все съ Черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его спремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла;

Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Ушѣшитъ плѣнника хощѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начашой рѣчью опкрывались;
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ шѣнь.
Въ горахъ, окованный, у спада
Проводишь плѣнникъ каждый день.
Пещеры темная прохлада
Его скрываетъ въ лѣсной зной;
Когда же рогъ луны еребрисшой
Блеснешь за мрачною горой,
Черкешенка, шропой шѣнисшой,
Приносишь плѣннику вино,
Кумысь, и ульевъ сошь душистой,
И бѣлоснѣжное пшено.
Съ нимъ шайный ужинъ раздѣляешь;
На немъ покоишь нѣжный взоръ;
Съ неясной рѣчью сливается
Очей и знаковъ разговоръ;

Поешь ему и пѣсни горь,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нешерпѣливой
Передаешь языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Руской жизни молодой
Давно утратили сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ ошвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Бышь можешь, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминашь.

— Не вдругъ увянешь наша младость,
Не вдругъ воспорги бросаешь насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья!
Не прилепаете вы вновь.

Казалось — плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкаль.
Тоску неволи, жарь мяшежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрываль.
Влачась межъ угрюмыхъ скаль,
Въ часъ ранней, упренней прохлады,
Оспановляль онъ долго взоръ
На опдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя каршины!
Прешолы вѣчныя снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусь огромный, величавый,
Бѣлѣль на небѣ голубомъ.⁸
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предшеча бури громъ гремѣль,
Какъ часно плѣнникъ надъ аудомъ,
Недвижимъ, на горѣ сидѣль!
У ногъ его дымилась шучи

Въ степи взвивался прахъ лешучій;
Уже пріюша между скаль
Елень испуганный искаль;
Орлы съ ушесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ
Ужь гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на дома дождь и градъ
Изъ шучь сквозь молній извергались.
Волнами роя крушизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли попоки дождевые —
А пльнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за шучей громовою,
Возрапа солнечнаго ждаль,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-шо радостью внималь.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекаль.
Межь Горцевъ, пльнникъ наблюдаль

Ихъ вѣру, нравы, воспішанье,
Любилъ ихъ жизни проспошу,
Госпепрїимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быспрошу,
И легкосць ногъ, и силу длани;
Смошрѣль по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесь проворной,
Широкой сшешью, по горамъ,
Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на спремена
Ногою спройной опираясь,
Лешаль по волю скакуна,
Къ войнѣ заранѣ прїучаясь.
Онъ любовался красошой
Одежды бранной и просшой.
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордишя, имъ ушѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его шрудовъ, его досуга.
Ни что его не шягошишь,

Ни что не брякнешь: пѣшій, конный —
Все пошь же онъ; все пошь же видь
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ Козаковъ,
Его богатство — конь решивый,
Пишомецъ горскихъ шабуновъ,
Товарищъ вѣрный, перпѣливый.
Въ пещерь иль шравъ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ шапшя,
И вдругъ, внезапною спрѣлой,
Завидя пушника, спремишя;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшишь ударъ его могучій,
И спранника въ ущелья горъ
Уже влечешъ арканъ лешучій.
Спремишя конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной ошваги;
Все пушь ему: болошо, боръ,
Кушпы, ушесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжишь,
Въ пушынѣ шопошь раздаешя;
Сѣдой пошокъ предъ нимъ шумишь —

Онъ въ глубь кипящую несется;
И пушникъ, брошенный ко дну,
Глашаешь мушную волну,
Изнемогая смерти просишь
И зришь ее передъ собой....
Но мощный конь его — спрѣлой
На берегъ пѣниспый выносишь.

Иль ухвасивъ рогаший пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежишь безлунной ночи шѣнь,
Черкесь на корни вѣковые
На вѣшви вѣшаешь кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щишь, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быспры волне
За нимъ бросается попомъ
Неушомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка ревешъ;
Могучій шокъ его несешъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,

Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, Козаки
Глядяшь на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плывешь оружіе злодѣя....
О чемъ ты думаешь, Козакъ?
Вспоминаешь прежни бившвы,
На смершномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молишвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простише, вольныя спаницы,
И домъ ошцовъ, и шихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,
Спрѣла выходилъ изъ колчана —
Взвилась — и падаетъ Козакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесь въ опеческомъ жилищѣ
Сидишь ненастною порой
И шлѣюшь угли въ пепелищѣ;

И спрянувь съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдешь пришлецъ успалый
И робко сядешь у огня:
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, вспаешь,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь⁹ оспрадный подаешь.
Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,
Вкушаешь пушникъ мирный сонъ,
И упромъ оставляешь онъ
Ночлега кровь гостепріимной.¹⁰

Бывало въ свѣтлый Баираць¹¹

Сберушя юноши полною;
Игра смѣняешя игрою:
То полный разобравъ колчань,
Они крылашыми спрѣлами
Пронзающъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крушыхъ холмовъ
Нешерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падушъ,

Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ шопошомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ рожденнымъ для войны;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Не рѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ лепяшъ главы рабовъ,
И жены робкія шрепещутъ.

Но Руской равнодушно зрѣль
Сии кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣль.
Невольникъ чеспи безпощадной,
Вблизи видаль онъ свой конецъ;
Удъ поединкахъ швердый, хладной,
Вспрѣчая гибельный свинець.
Быть можешъ, въ думу погруженный,

Онъ время шо воспоминаль,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пироваль....
Жалѣль ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ?
Иль, любопытный, созерцаль
Суровой проспошы забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркаль чиналь?
Таиль въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на чель его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлоспи его
Черкёсы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой
И шопошомъ между собой
Своей добычею гордились.

Ч А С Т Ь II.

СП6ГУ

ЧАСТЬ II.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Восторги сердца, жизни сладость!
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда швой другъ во шмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Старая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала мѣръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись головой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрывашься рада я въ пустынь

Съ шобою, царь души моей!
Люби меня; ни кто донынѣ
Не цѣловаль моихъ очей;
Къ моей постель одинокой
Черкесь молодой и черноокой
Не крался въ шшинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красошой.
Я знаю жребій мнѣ гошовый:
Меня опецъ и брашь суровый
Немилому продашь хошяшь
Въ чужой ауль цѣною злаша;
Но умолю опца и браша;
Не шо — найду кинжалъ иль ядь.
Непоспизимой, чудной силой
Къ шебъ я вся привлечена,
Люблю шебя, невольникъ милой,
Душа шобой упоена....

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву спраспную взираль,
И полный тяжкимъ размышленьемъ

Словамъ любви ея внималь,
 Онъ забывался: въ немъ шѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покашились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья.
 Предъ юной дѣвой наконецъ
 Онъ изліялъ свои спраданья.

„Забудь меня; швоей любви,
 Твоихъ восшорговъ я не спою.
 Безцѣнныхъ дней не пращъ со мною;
 Другаго юношу зови.
 Его любовь шебѣ замѣнишь
 Моей души печальный хладъ;
 Онъ будешь вѣренъ, онъ оцѣнишь
 Твою красу, швой милый взглядъ,
 И жаръ младенческихъ лобзаній,
 И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
 Безъ упоенья, безъ желаній
 Я вяну жертвою шрасшей.

Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня; но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ! зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ нѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ.
И уповашельнымъ мечшамъ?
Но поздно! умерь я для счастья,
Надежды призракъ улещьль;
Твой другъ ошвыкъ ошъ сладоспращья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣль....

„Какъ шяжко мершвыми ушнами
Живымъ лобзаньямъ ошвѣчашь,
И очи полныя слезами
Улыбкой хладною встрѣчашь!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувь безчувшвенной душой
Въ объашіяхъ подруги спращной,
Какъ шяжко мыслишь о другой!...“

„Когда шакъ медленно, шакъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходяшь быспро, безмяшежно;
Снѣдая слезы въ пищинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему спремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И шайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пусшынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродишь
И мрачную шоску наводишь
На душу сирую мою.

„Оспавъ же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечшы,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Ихъ раздѣлишь не можешь ты.
Сердца слышала признанье;

Прости.... дай руку — на прощанье.
 Не долго женскую любовь
 Печалишь хладная разлука:
 Пройдешь любовь, наспанешь скука,
 Красавица полюбишь вновь.“ —

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая:
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ;
 Блѣдна какъ шѣнь, она дрожала;
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука;
 И наконецъ любви шоска
 Въ печальной рѣчи излилася.

„Ахъ Руской, Руской! для чего,
 Не зная сердца швоего,
 Тебѣ на вѣкъ я предалася?
 Не долго на груди швоей
 Въ забвеньи дѣва опдыхала;
 Не много радостныхъ ей дней

Судьба на долю низпослала!
 Придуть-ли вновь когда нибудь?
 Уже ль на вѣкъ погибла радость?....
 Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя бь изъ жалости одной,
 Молчаньемъ — ласкою прищворной;
 Я услаждала бь жребій швой
 Заботой нѣжной и покорной;
 Я сберегла бь минуши сна,
 Покой поскоующаго друга;
 Ты не хотѣлъ.... Но кто жь она,
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Руской? шы любимъ?...
 Поняши мнѣ швой спраданыя!...
 Проспижъ и шы мои рыданья,
 Не смѣйся горесшямъ моимъ.“

Умолкла. Слезы и спенанья
 Сшъснили бѣдной дѣвы грудь.
 Ушъ, безъ словъ, ропшали пѣни.
 езь чувствъ, обнявъ его колѣни,

Она едва могла дохнуть.
 И пльнникъ, шихою рукою
 Поднявъ несчастную, сказалъ:
 „Не плачь! И я гонимъ судьбою
 И муки сердца испыталъ.
 Ньшь! я не зналъ любви взаимной:
 Любилъ одинъ, спрадалъ одинъ,
 И гасну я, какъ пламень дымной,
 Забытый средь пусныхъ долинъ.
 Умру вдали бреговъ желанныхъ;
 Мнѣ будешь гробомъ эша шепъ;
 Тамъ, на косняхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавишь шягоспная цѣпь...“

Свѣшила ночи зашмѣвались;
 Въ дали прозрачной означались
 Громады свѣшлоснѣжныхъ горъ;
 Главу склонивъ, пошупя взоръ,
 Они въ безмолвіи разспались.

Унылый пльнникъ, съ эшихъ поръ
 Одинъ окрешъ аула бродишь.

Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводишь,
За ночью ночь во слѣдъ уходишь,
Вошще свободы жаждешь онъ.
Мелькнешь - ли серна межъ кустами,
Проскачешь - ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспыхнувъ, загремишь цѣпями,
Онъ ждешь, не крадешся - ль Козакъ,
Ночный ауловъ разоришешь,
Рабовъ опважный избавишешь.
Зовешь... но все кругомъ молчишь;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человекъ звѣрь почувя,
Въ пустыню темную бѣжишь.

Однажды слышишь Руской плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
„Въ шабунъ! въ шабунъ!“ Бѣгутъ, шумяшь;
Уздечки мѣдныя гремяшь,
Чернѣюшь бурки, блещушь брони,
Кипяшь осѣдланные кони,
Къ набѣгу весь ауль тоцовъ,

И дикіе пишомцы брани
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачупь по брегамъ Кубани
 Сбирашь насильшвенныя дани.

Упихъ ауль; на солнць спяшь
 У саклей псы спорожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе
 Въ свободной рѣзвості шумяшь;
 Ихъ прады въ кругу сидяшь;
 Изъ трубокъ дымъ вѣсь синѣшь.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушающъ припѣвъ,
 И шарцевъ сердце молодѣшь.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Г.

Въ рѣкѣ бѣжипь гремучій валь;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Козакъ усалый задремаль,
 Склонясь на копіе спальное.

Не спи, Козакъ! во шмѣ ночной
Чеченець ходишь за рѣкой.

2.

Козакъ плывешь на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣши.
Козакъ! ушонешь шы въ рѣкѣ,
Какъ понушь маленькія дѣши,
Купаясь жаркою порой:
Чеченець ходишь за рѣкой.

3.

На берегу завѣшныхъ водѣ
Цвѣшушь богашыя спаницы:
Веселый пляшешь хоровадь.
Бѣгите, Рускія пѣвицы;
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченець ходишь за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаешь Руской о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника шаяка,

Быстра глубокая рѣка....
Межь шѣмь, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скаль омрачены,
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаешь блѣдный свѣсъ луны;
Елени дремлюшь надъ водами,
Умолкнуль поздній крикъ орловъ,
И глухо вшорился горами
Далекій шопопъ шабуновъ.

Тогда — кого-то слышно спало,
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вошь — печальна и блѣдна
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищущъ рѣчи;
Глаза исполнены шоской,
И черной падающъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеснишь пила,
Въ другой кинжаль ея булашный:
Казалось, будшо дѣва шла
На шайный бой, на подвигъ рашный.

На плѣнника возведши взоръ,
„Бѣги! сказала дѣва горь:
Ни гдѣ Черкесь тебя не встрѣпишь.
Спѣши, не шрашь ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ: швоихъ слѣдовъ
Никшо во мракѣ не замѣпишь.“

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжишь желѣзо подь пилой,
Слеза невольная скапилась —
И цѣпь распалась и гремишь.
„Ты волень, дѣва говоришь,
Бѣги!“ Но взгляды ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она спрадала. Въшерь шумный
Свиспя, покровъ ея клубилъ.
„О другъ мой! Руской возопилъ,
Я швой на вѣкъ, я швой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...“ — „Нѣшь, Руской, нѣшь!
Она исчезла, жизни сладость;

Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, пропала и слѣдь.
 Возможно ль? ты любишь другую!...
 Найди ее, люби ее;
 О чемъ-же я еще поскокую?
 О чемъ уныніе мое?...
 Проспи! любви благословенья
 Съ побою будешь каждый часъ.
 Проспи — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ.... въ послѣдній разъ.“

Къ Черкешенкѣ простеръ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней лещьль,
 И горькій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечашлѣль. —
 Рука съ рукой, унынья полны
 Сошли ко берегу въ пишинѣ —
 И Руской въ шумной глубинѣ
 Уже плывешь и пѣнишь волны,
 Уже пропивныхъ скалъ доспигъ,
 Уже хващается за нихъ....
 Вдругъ, волны глухо зашумѣли,

И слышея ошдаленный спонь....
 На дикій брегъ выходишь онь,
 Глядишь назадъ... брега ясныли
 И опьненныя бьльли;
 Но нышь Черкешенки молодой
 Ни у бреговъ, ни подъ горой....
 Все мершво.... на брегахъ уснувшихъ
 Лишь выпра слышенъ легкій звукъ,
 И при лунь, въ водахъ плеснувшихъ
 Спруисмый исчезаешъ кругъ.

Все поняль онь. Прощальнымъ взоромъ
 Объемлешъ онь въ посльдній разъ
 Пусшой ауль съ его заборомъ,
 Поля, гдъ пльнный спадо пасъ,
 Спремнины, гдъ влачили оковы,
 Ручей, гдъ въ полдень опдыхаль,
 Когда въ горахъ Черкесь суровый
 Свободы пьсню запьваль.

Рьдль на небъ мракъ глубокой,
 Ложился день на шейный доль,

Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шель,
И передъ нимъ уже въ шуманяхъ
Сверкали Рускіе штыки,
И окликались на курганахъ
Спорожевые Козаки.

Такъ Муза, легкой другъ мечшы,
Къ предѣламъ Азіи лешала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣшы.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часпо въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опускаемыхъ
Одна бродила по скаламъ
И пѣснямъ дѣвъ осирошѣлыхъ
Она прислушивалась шамъ;

Любила бранныя спаницы,
Тревоги смѣлыхъ Козаковъ,
Курганы, шихія гробницы,
И шумъ, и ржанье шабуновъ.
Богиня пѣсень и разсказа,
Воспоминанія полна,
Бышь можешь, повторишь она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажешь повѣсть дальныхъ спранъ,
Мстислава ¹² древній поединокъ,
Измѣны, гибель Россіанъ
На лонъ мстительныхъ Грузинокъ:
И воспою шопъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орель двуглавый;
Когда на Терекъ съдомъ
Впервыя грянуль бишвы громъ
И грохошъ Рускихъ барабановъ,
И въ свѣчъ, съ дерзоспнымъ челомъ
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,

О Кошляревскій! бичь Кавказа,
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губиль, ничпожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю месши
Тебя не радуешь война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чеспи,
Вкушаешь праздный ты покой
И пищину домашнихъ доловъ....
Но се — Воспокъ подъемлешь вой!...
Почикни сибжною главою,
Смирись, Кавказъ! идешь Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвласно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Башыя,

Измѣнишь прадѣдамъ Кавказъ,
Забудешь алчной брани гласъ,
Оставишь стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣдешь пушникъ безъ боязни,
И возвѣспяшь о вашей казни
Преданья шѣмныя молвы.

К О Н Е Ц Ъ.

СП6ГУ

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Издашели присовокупляюшь портретъ Авшора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранишь юныя черты Поэта, котораго первыя произведе- нія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

1. *Бешту*, или правильнѣе *Бештау*, Кавказ- ская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Из- вѣстна въ нашей Исторіи.

2. *Аулъ*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

3. *Уздень*, начальникъ или князь.

4. *Шашка*, Черкеская сабля.

5. *Сакля*, хижина.

6. *Кумысъ* дѣлается изъ кобыльего молока: напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и починается весьма здоровымъ.

7. Счастливыи климатъ Грузіи не вознагра- ждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія,

вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большой части заунывны. Онѣ славятъ минушіе успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ, Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства — иногда любовь и наслажде- нія.

8. Державинъ, въ превосходной своей Одѣ Гра- фу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ спрѣвахъ дикія каршины Кавказа:

О юный вождь! — сверша походы,
 Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
 Зрѣлъ ужасы, красы природы:
 Какъ съ ребръ шамъ страшныхъ горъ ліась,
 Ревуть въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
 Какъ съ чель ихъ съ грохомомъ снѣга
 Падуть, лежавши цѣлы вѣки;
 Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
 Зрятъ въ мглѣ спокойно подь собою
 Рожденье молній и громовъ.

* * *

Ты зрѣлъ, — какъ ясною порою
 Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
 Средь водъ, играя, отражаясь,
 Великолѣпный кажутъ видъ;
 Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
 Тамъ брызгахъ, шонкій дождь горитъ;
 Какъ глыба шамъ сизояшарна,
 Навѣясь, сморитъ въ темный боръ;
 А тамъ заря златобагряна
 Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Жуковскій, въ своемъ Посланіи къ Г. Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа :

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
 Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
 Гдѣ, часто прихаясь на брегѣ,
 Чеченець иль Черкесь сидѣлъ,
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
 И въ далекъ передъ побой,
 Одѣшы голубымъ шуманомъ,
 Гора вздымалась надъ горой,
 И въ сонмѣ ихъ гигантъ съдой,
 Какъ шуча, Эльборусъ двуглавою.
 Ужасною и величавою
 Тамъ все блискаетъ красотою:
 Ушесовъ мшистыя громады,
 Бѣгущи съ ревомъ водопады
 Во мракъ пучинъ съ граничныхъ скалъ;
 Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
 Ни спукъ сѣкирь, ни человекъ
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ кошорыхъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла слышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ шолпу, шумящъ вѣшеямъ,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгающъ по скаламъ.
 Тамъ все являешся очамъ
 Великолѣпіе пворенья!
 На шамъ — среди уединенія

Долинь, шаящихся въ горахъ —
 Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
 И Абазехъ, и Камудионецъ,
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шансукъ.
 Пищаль, кольчуга, сабли, лукъ,
 И конь — соратникъ быспроногій,
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачуть по горахъ,
 Бросають смерть изъ-за ушеса;
 Или по шопкимъ берегамъ,
 Въ правѣ высокой, въ чащѣ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждуть;
 Скалы свободы ихъ пріюсть.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредуть
 На коспыляхъ угрюмой лѣни:
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣсился въ кружокъ,
 И въ брашкѣй съ табакомъ горшокъ
 Вонзавши чубуки, какъ пѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ
 И объ убійствахъ говорятъ;
 Иль хвалятъ мѣшкія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли,
 Иль сабли на кремняхъ острятъ,
 Гошовась на убійства новы.

9. *Чихирь*, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, опли-
 чаются предъ нами госпепрїимствомъ. Госпѣ
 спановишся для нихъ священною особою. Пре-
 данъ его или не защищать, почиаетъ межъ
 ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (ш. е.

пріятель, знакомецъ) опвѣчаетъ жизнь за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

11. *Байранъ* или *Байрамъ*, праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ* Музульманскій постъ.

12. Мспиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный Князь Тмушаракана (оспр. Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ Князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

22-е издание
вы можете найти
в библиотеке
на сайте
www.

12. Монахи, которые
византизм, давший
Темно. Это слово
византизм, и
византизм, и
византизм, и

Служба

СПбГУ

[5073]

Слбгу

СЛБГ

